

УДК 81'1

К. Г. Ибрагимова

**ИССЛЕДОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЛАКУН
В ДИНАМИКЕ КОНТАКТИРУЮЩИХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР**

Рассматриваются проблемы элиминирования юридических терминологических лакун в динамике, выделяется определенная стадийность процесса постепенного вхождения заимствованных терминов в профессиональный и быденный язык, уточняется роль перевода как механизма элиминирования лакун. Более глубокое исследование процессов заимствования новой терминологии позволит обеспечить адекватный перевод, что будет способствовать пониманию терминов не только специалистами.

The paper reviews the issues of eliminating gaps (lacunae) in legal terminology in dynamics, describes certain stages in gradual introduction of some borrowed terms into professional and common language, and specifies the role of translation as an instrument of eliminating lacunae. Deeper insight into the process of borrowing new terminology results in a more adequate translation, and, consequently, contributes to a better understanding of terms by both lawyers and ordinary users.

Ключевые слова: терминологические лакуны, юридические термины, заимствования, перевод.

Key words: terminological gaps (lacunae), legal terms, borrowings, translation.

Кардинальные изменения, происходящие в России с начала 90-х гг. XX в., обусловили возникновение новых экономических и правовых отношений, понятий и терминов. Такие стремительные перемены привели к серьезному обновлению профессионального языка, в первую очередь за счет заимствований.

В данном случае заимствования были связаны прежде всего с необходимостью заполнения лакун, обусловленной более глубоким познанием действительности и взаимным влиянием языков и культур. Традиционно лакуны изучаются в русле теории лакун, или лакунологии, возникшей на базе исследования переводов в культурологическом и этнопсихолингвистическом ключе, когда текст стал рассматриваться как явление культуры (Ю. С. Сорокин, И. Ю. Марковина, Г. В. Быкова, И. А. Стернин, А. Эртельт-Вит (A. Ertelt-Vieth), И. Панасюк (I. Panasiuk), С. Шрёдер (S. Schröder) и др.). Мы исследуем лакуны с учетом лингвокультурологического аспекта перевода, предполагающего выявление принципиальных различий текста оригинала и перевода, обусловленных не только языковой формой, но и факторами культуры. Под лакунами мы понимаем несовпадающие лингвокультурные элементы, отражающие специфику языка и культуры определенного народа и выявляющиеся только при сопоставлении аспектов разных языков и куль-

тур. Максимальное сближение разных картин мира происходит в процессе перевода, когда ярче всего проявляются лингвокультурные особенности контактирующих культур. При этом перевод выступает пусковым механизмом элиминирования (заполнения или компенсации) выявляемых лакун.

В статье исследованы процессы освоения или элиминирования юридических терминологических лакун (терминолакун) в динамике, выделены стадии этих процессов и уточнена роль перевода как механизма элиминирования лакун. Это вызвано необходимостью более глубокого изучения процесса проникновения иноязычных и заимствованных юридических терминов в русский язык, динамики их развития и проблем элиминирования терминолакун, а также проблем понимания новых терминов не только специалистами, но и более широким кругом лиц, вступающих в определенные правоотношения. Профессиональные подязыки и терминологические системы двух языков могут стать благодатной почвой для выявления и изучения лакун. Подтверждение этому находим в ряде исследований, посвященных проблемам лакунарности и терминологии: «Терминологические парадигмы выстраиваются строго, и лакуны в них выявляются отчетливо» [10, с. 65], юридический подязык английского языка «может быть “зеркалом”, в котором возможно выявление лакун русского языка» [3].

Активное проникновение в русский язык иноязычной и заимствованной лексики, в том числе терминов, расширение сфер использования специальной иноязычной терминологии причисляют к «одним из наиболее живых и социально значимых процессов, происходящих в современной русской речи» [7, с. 143]. В научной литературе встречается термин «лингвистическая глобализация» (*linguistic globalization*), под которой обобщенно понимается взаимное проникновение языков, обусловленное глобализацией. Доминирующим языком-источником заимствований в другие языки на современном этапе признается английский, получивший статус глобального языка (*global English*), современного *lingua franca*, языка новых технологий, СМИ, экономических и международных отношений [11]. Необходимость в заимствовании лексики обусловлена лингвистическими и экстралингвистическими факторами – возникновением новых явлений и потребностью в их номинации, языковыми и культурными контактами, профессиональным сотрудничеством, требующим большей унификации понятий, и т.д. Исследователи также отмечают важную роль при освоении языком слов и терминов «тенденции к замене неоднословных наименований однословными и фактора интернациональности» [8, с. 32]. Так, например, слова «праймериз», «инаугурация» заполнили лакуны в русском языке при появлении новых явлений в политической жизни России – «первичных выборов» и «торжественного вступления в должность высшего государственного должностного лица». Юридическая терминология пополнилась за счет таких терминов, как омбудсмен, ювенальная юстиция, делинквентность, превентивные меры, презумпция, цивилистика, апелляция, эстошпель, виндикация и т.д. Однако элиминирование

лакуны в языке связано не только с введением в лингвистический обиход иноязычного слова, но и с переносом в лингвокультурное пространство определенного понятия или концепта. Лингвисты в связи с этим говорят об «импорте концепта», «внедрении в иную культуру концепта — ментального образования, опирающегося на многослойный культурный опыт, сконцентрированный в индивидуальном и коллективном языковом сознании», «установление ценностных отношений, свойственных иной культуре» [6, с. 212–214].

Взаимное обогащение языков и культур стало происходить в последние десятилетия намного интенсивнее, чем раньше. Проводимая в России судебно-правовая реформа подразумевает также и необходимость обращения к зарубежному опыту правового регулирования. Согласно исследованиям с 1990-х гг. юридическая терминология русского языка находится в переходном периоде, который «аккомодирует терминологию юридической системы, основанной на рыночной экономике: иногда вводятся русские термины, а иногда они заимствуются из иностранных языков» [14, с. 6].

По мнению специалистов, опыт США с их постоянно развивающейся юридической системой, сформированной на базе многовекового правового опыта Британии, дает большие возможности для анализа и заимствования правовых понятий [9]. К праву США проявляют интерес как юристы, так и лингвисты с позиций исследования, теоретического анализа и осмысления причин появления новой лексики. Заимствование важных концептов и терминов из другой правовой системы обуславливает необходимость в номинации этих явлений в другом языке и внедрении их в иную правовую систему в целях устранения лакунарности в терминологическом пространстве.

С лингвистической точки зрения очевидно, что в терминологических системах происходят определенные динамические процессы, характеризующиеся развитием лексического состава языка. Под развитием понимается «количественное и качественное изменение состояния языка, затрагивающее в первую очередь лексическую подсистему языка как наиболее подвижную и непосредственно реагирующую на все изменения, происходящие в обществе» [5, с. 62]. В связи с этим в процессе сопоставления русского и английского юридического профессионального подязыка, а также при переводе основных компонентов этого подязыка — юридических терминов — можно отметить динамический характер процесса элиминирования лакун в юридических терминологических системах. По нашим наблюдениям, обогащение словарного состава языка-реципиента, в том числе за счет элиминирования лакун, происходит в три этапа.

Мы считаем, что первый этап заключается в осознании отсутствия концепта, явления или реалии. Освоение межъязыковой лакуны начинается именно с осознания реципиентом отсутствия в родном языке такого понятия и отсутствия соответствия у данной лексической единицы. Лакуны обнаруживаются даже при сопоставлении пар языков

наций с близкой культурой. Несоизмеримо больше лакун может обнаружиться при сопоставлении пар языков с диаметрально противоположными культурами: это тема отдельных исследований. О таких лакунах среднестатистический пользователь (усредненный реципиент) еще не знает, так как не возникли соответствующие экстралингвистические обстоятельства, которые заставят специалистов (лингвистов, переводчиков и т.д.) обратить внимание на новую лексическую единицу, понять ее значение и перевести хотя бы способом описательного перевода. На этом этапе появляется много лексических единиц, калькированных или переданных транскрипцией или транслитерацией, например прайвеси, харассмент, диффамация и пр.

На втором этапе освоения возникшей и выявленной межъязыковой лакуны в силу внешних обстоятельств (разработка нового законодательства, стандартов, правил и т.д.) предпринимаются попытки ввести в терминосистему языка-реципиента «временно безэквивалентный» термин (термин Л.Л. Нелюбина). В связи с этим говорят о временном отставании одного из языков в развитии системы понятий и о преодолении отставания в ходе дальнейшего развития профессиональной сферы, в том числе благодаря международной деловой коммуникации [1]. Период внедрения таких «временно безэквивалентных» терминов будет зависеть от степени императивности освоения и номинации нового понятия. Для этого этапа характерно большое количество неорганизованных, а часто и некавалифицированных попыток номинировать новое понятие, что приводит к высокой степени вариативности номинаций понятия на языке-реципиенте и соперничеству вариантов.

Например, применительно к уголовному праву США юристы считают возможным использовать термины «фелония», «мисдиминор», «роббери», «берглэри», «харассмент», «диффамация», поскольку понимают, что данные правонарушения далеко не идентичны аналогичным преступлениям по российскому праву. Но для неспециалистов эти понятия звучат непривычно, поэтому используются примерные соответствия категориям преступлений или юридическим должностям другой правовой системы (ср. Attorney General — генеральный атторней, министр юстиции США).

Однако при определенных условиях некоторые термины и концепты могут интегрироваться в другой язык и лингвокультуру. Например, термин «харассмент» в последние годы все активнее проникает в русский язык и в языковое сознание не только юристов, но и обывателей. Нельзя сказать, что такое явление не существовало в обществе и не было отражено в сознании людей. О психологическом давлении, сексуальном домогательстве на работе было известно и раньше, но во всей совокупности подразумевающих его элементов это явление не признавалось преступлением. В российском уголовном праве сексуальное домогательство квалифицируется как преступление в статье 133 Уголовного кодекса «Понуждение к действиям сексуального характера». Большой юридический словарь (БЮС) определяет харассмент как преступление в праве США, нарушающее неприкосновенность частной

жизни лица преследованием (телефонными звонками, письмами, слежкой и пр.), назойливым приставанием, домогательством, совершаемое обычно с сексуальными мотивами [15].

Однако понятие харассмента включает в себя не только сексуальное домогательство. Оно далеко не так однозначно, и его признаки могут проявляться по-разному. Это явление имеет культурно обусловленные особенности, и порой бывает трудно различить грань между поведением, приемлемым в одной лингвокультуре, и харассментом в другой. В уголовном праве США это преступление толкуется широко, квалификация харассмента варьируется от штата к штату, но в общем смысле под ним понимается поведение, которое выражается в приставаниях, угрозах, запугивании, вызывает тревогу у лица или заставляет его бояться за свою безопасность. В соответствии с американским уголовным правом выделяют несколько подвидов харассмента: *criminal harassment*, *sexual harassment*, *discriminatory*, *work place*. Очевидно, что это понятие постепенно входит в жизнь российского общества, и на данном этапе, вероятно, можно говорить о временно безэквивалентном термине «харассмент».

Новые концепты могут иметь и положительную коннотацию. Например, термин *privacy*, имеющий ярко выраженный национально-специфический компонент значения. Концепт *privacy* в американской юриспруденции основывается на 14-й поправке к Конституции США и тесно связан с защитой частной жизни граждан, предусматривает свободу человека от неправомерного вмешательства государства в сферу его частной жизни. Термин имеет следующую дефиницию: по прецедентному праву свобода личности толкуется с точки зрения конституции как право на неприкосновенность частной жизни в соответствии с 14-й поправкой к Конституции [19]. В словарях закреплены два варианта перевода: прайвеси и неприкосновенность частной жизни [13]. Суть понятия «прайвеси» в американском праве сформулировали в 1890 г. юристы С. Уоррен и Л. Брандейс как «право быть оставленными в покое» [9]. Это определение отражено в дефиниции термина *privacy law* в толковом юридическом словаре *Black's Law Dictionary (BLD)*: федеральный закон или закон штата, защищающий право лица быть оставленным в покое [18]. Термин «прайвеси» охватывает все аспекты частной жизни: «интимный мир, сферу личных отношений, неприкосновенность частной переписки, записей, дневников и т. д. и не имеет адекватного эквивалента в русском языке» [9, с. 16]. Проанализировав это понятие, которое на фоне русского языка является терминологической лакуной, можно убедиться, что за ним стоит гораздо больший объем лексических значений, обусловленных глубокими историческими корнями этого термина. Данная терминологическая лакуна выступает неизбежным следствием различия двух семей права — англо-саксонской в США и романо-германской в Российской Федерации. И если рассматриваемый термин обладает высокой значимостью в американском обществе и трактуется в рамках известного прецедента, то в российском обществе он требует пояснения в каждом конкретном случае, исходя, в первую очередь, из требований действующего законодательства.

Процесс инкорпорирования новых правовых концептов, реалий происходит также в рамках российской судебно-правовой реформы. Например, принятое и закрепленное в российском уголовно-процессуальном законодательстве соглашение о признании вины – *plea bargaining* – или сравнительно недавно возникший в российской судебной практике суд присяжных, созданный по аналогии с англо-американским *Jury (Grand Jury)* – коллегия или суд присяжных.

Институт соглашения о признании вины является важным и неотъемлемым компонентом всей уголовно-правовой системы США, способствующим эффективности работы суда и прокурора, хотя и часто критикуемым СМИ и общественностью [9, с. 186]. Концепция *plea bargaining* не имеет однозначного трактования даже в самой правовой системе США. В общем смысле этот термин означает переговоры о заключении сделки о признании вины [13]. BLD определяет его как соглашение, достигнутое путем переговоров между прокурором и подсудимым, в силу которого подсудимый признает вину в совершении менее тяжкого преступления или одного из множественных преступлений в обмен на некоторую уступку со стороны прокурора, обычно заключающуюся в более мягком приговоре или в отказе от других обвинений [18].

Перевод термина *plea bargaining* как сделки о признании вины может привести к ошибочному пониманию его как сделки с правосудием и дать неверное представление об этой сложной процедуре. Заключая «сделку о признании вины» с подсудимым, прокурор должен быть технически осведомленным о каждом элементе преступления или обвинения, понимать суть имеющихся фактических или потенциальных доказательств, которые могут быть представлены [19].

Сравнительно недавно подобное явление (и, соответственно, термин) возникло в российском уголовно-правовом поле и было закреплено в главе 40.1. ст. 317 Уголовно-процессуального кодекса РФ – «Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве» [17].

Сложность процесса внедрения новых концептов в российское правовое поле и связанная с этим потребность номинации новых понятий обусловлена тем, что право имеет свою культурную и юрисдикционную специфику в силу существования различных правовых систем и семей (Романо-германское право, Общее право и др.). Как подчеркивают исследователи юридического языка, каждая правовая система или семья имеет свою характерную «лексику для выражения концептов, ее правила сгруппированы по категориям, у нее имеются свои приемы выражения и интерпретации правил, взгляд на социальный порядок, который определяет способ применения права (закона) и формирует саму функцию права (закона) в этом обществе» [12, р. 19].

Процесс заимствования терминологического элемента одной правовой системы и его встраивания в другую достаточно сложен. На третьем этапе происходит полное привнесение новой лексической единицы (понятие и знак) в язык-реципиент или освоение (адаптация) понятия. Для этого этапа характерно уменьшение количества вариантов номинации понятия (концепта) в результате соперничества и вытеснения одних вариантов другими.

Момент полного инкорпорирования безэквивалентной единицы в язык или элиминирования лакуны отследить очень трудно. Еще Л. С. Бархударов говорил о том, что не всегда возможно установить время, когда «окказиональный эквивалент перешел в узуальный» [2, с. 94]. Можно предположить, что в тот момент, когда лексические единицы, номинировавшие новые реалии или термины и заполнившие лакуны в языке, не будут вызывать сложности в понимании и обеспечат успешную коммуникацию, произойдет вхождение безэквивалентных единиц в язык. Полное элиминирование лакуны в языке возникает тогда, когда в лингвокультуру прочно встраивается новый концепт и номинация этого концепта не ощущается носителями этого языка как чужая. По нашему представлению, если выразить процесс элиминирования лакуны в языке в терминах переводоведения, то можно говорить о переносе плана выражения и плана содержания в язык-реципиент или привнесении в язык и денотата, и десигната (ср. такие юридические термины, как кадастр, алиби, превентивный, латентный, цивилистика и др.).

Схематично изобразить процесс освоения или адаптации новой лексической единицы и элиминирования лакуны в профессиональном дискурсе можно следующим образом: профессиональная сфера → → СМИ → регистрация в словарях → среднестатистический рецептор.

Иными словами, первыми с концептуально новым понятием сталкиваются специалисты, а чаще переводчики, переводящие специальный текст. Возникшая лексическая единица первоначально функционирует в пределах узкопрофессионального круга, потом проникает в язык СМИ, а затем уже начинает использоваться и пониматься среднестатистическим рецептором. Но, по нашему убеждению, говорить о полной тождественности понятий в языке-доноре и языке-реципиенте нельзя. Полное элиминирование лакуны, как и полная эквивалентность (перенос понятия или системы понятий), бывает крайне редко. Как известно, «две национальные культуры никогда не совпадают полностью» [4, с. 30]. Даже термин *crime*, на первый взгляд имеющий эквивалентное соответствие, эквивалентом термина преступление не является в силу несовпадения объемов значения. Понятие *crime* в американском уголовном праве не используется на федеральном уровне, а только на уровне штатов. Часто заимствованные термины употребляются только в одном или нескольких значениях (ср. слово «киллер» — наемный убийца, являющееся заимствованием от англ. *killer*, но в английском языке это понятие выражено словом *hit man*).

Резюмируем, что исследование юридических терминологических систем в динамике на определенном временном срезе позволяет выделить стадии элиминирования и освоения терминологических лакун. Первой стадией, по нашим наблюдениям, выступают осознание реципиентом отсутствия понятия, термина или явления в родном языке и выявление межъязыковой лакуны, обусловленной чаще всего несовпадением профессиональных картин мира. Этот период характеризуется вариатив-

ностью номинаций нового понятия, а также проникновением в язык иноязычной лексики, которая на данном этапе еще не является заимствованной. Вторая стадия подразумевает освоение межъязыковой лакуны, обусловленное внешними факторами, например возникновением новых законов, правил и т.д. Характерная черта этого периода — так называемые временно безэквивалентные термины. На третьем этапе происходит инкорпорирование новой лексической единицы (понятие и знак) в язык-реципиент или освоение (адаптация) лакуны и заимствование понятия. Мы в своем исследовании предлагаем подходить к рассмотрению лакун с учетом лингвокультурологического аспекта перевода, предполагающего выявление принципиальных различий текста оригинала и перевода, обусловленных не только языковой формой, но и факторами культуры. Данный синергетический подход даст переводчику более глубокое понимание «культурного фона» термина и правильную его интерпретацию, вооружит его дополнительной информацией и позволит выбрать варианты перевода, исходя из новизны термина и степени его адаптации, поможет обеспечить адекватный перевод на данный момент времени и для данной конкретной аудитории.

Список литературы

1. Акопова Э.Л. Безэквивалентные термины и способы их перевода. М., 2000.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М., 2008.
3. Быкова Г.В. Лакунарность как категория лексической системологии. Благовещенск, 2003.
4. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990.
5. Карапетян М.В. Лакунарность и развитие языка // Лакуны в языке и речи: сб. науч. тр. / под ред. проф. Ю.А. Сорокина, проф. Г.В. Быковой. Благовещенск, 2003. С. 61–67.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
7. Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). 2-е изд. М., 2000. С. 142–161.
8. Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. М., 2008.
9. Махов В.Н., Пешков М.А. Уголовный процесс США (досудебные стадии): учеб. пособие. М., 1998.
10. Савицкая Е.В. Выявление лакун на разных языковых уровнях (на материале английского языка) // Приволжский научный вестник. 2014. №10 (38). С. 65–68.
11. Crystal D. English as a Global Language. Cambridge, UK, 2003.
12. David R., Brierley J. Major Legal Systems in the World Today. L., 1985.
13. Андрианов С.Н., Берсон А.С., Никифоров А.С. Англо-русский юридический словарь. М., 1993.
14. Батлер У.Э. Русско-английский юридический словарь. М., 1995.
15. Большой юридический словарь / А.Я. Сухарев, В.Е. Крутских, А.Я. Сухарева. М., 2003.

16. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. №63-ФЗ, в ред. от 30.12.2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: текст с изм. и доп. на 25 мая 2013 г. М., 2013.

18. Bryan A. Garner. Black's Law Dictionary. 9th ed. A Thomson Reuters business, 2009.

19. Free legal dictionary. URL: <http://definitions.uslegal.com> (дата обращения: 20.01.2017).

Об авторе

Карине Грачиевна Ибрагимова — ст. преп., Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет).

E-mail: carina.ibragimova@gmail.com

33

About the author

Karine Ibragimova, senior lecturer, Moscow Aviation Institute (National Research University).

E-mail: carina.ibragimova@gmail.com

УДК 81-112

О. В. Петешова

ОЙКОНИМИКА КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В МЕМОРИАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Сопоставлены названия населенных пунктов Калининградской области, увековечивающих значимые события и выдающихся людей, с ранее использовавшимися на данной территории прусскими мемориальными ойконимами, которые были переименованы в 40-е гг. XX в. Внимание уделяется как семантике указанных топонимических единиц, так и способам их согласования.

The author performs a comparative analysis of contemporary and previous names of settlements in the Kaliningrad region. The place names often reflect highly important historical events or are the names of outstanding people. Old German place names were changed in the 1940s of the 20th century. The author highlights the semantics of the toponymic units and the ways of their correlation.

Ключевые слова: ойконим, антропотопоним, патронимический топоним, мемориальный топоним, переименование.

Key words: German placenames, anthroponym, patronymic toponym, commemorative toponym, renaming.

В современной ономастике выделяются две основные группы географических объектов, названных личными именами людей, — патронимические топонимы, возникающие на основе имен, фамилий и прозвищ первопоселенцев или владельцев соответствующих объектов, и